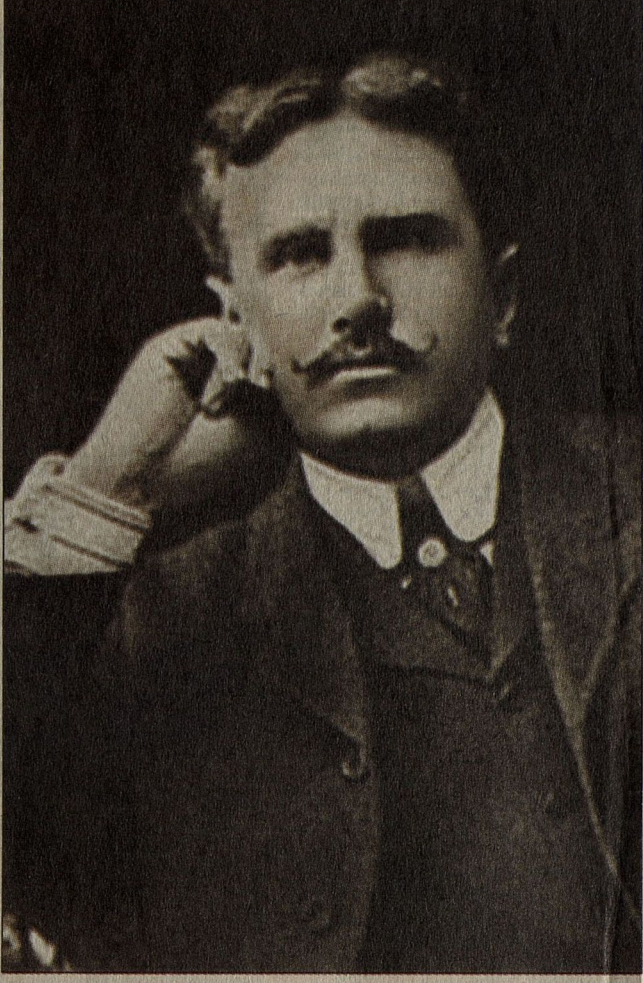

ОДИН «ГЕНРИ»

140 лет назад родился Чаплин

ОТ СЛОВЕСНОСТИ

Уильям Сидни Портер.

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

О Генри! Именно так воспринималась его фамилия вместе с восклицательным «О»! Для поколений, не помнивших капитализма и не знавших нэпа, многое из того, что происходило в прозе Генри, нуждалось в комментариях или оставалось непонятым. Он подарил нам Америку, очень похожую на Россию первой половины 90-х годов. Эпоха раннего, так и не созревшего капитализма. Дух свободного предпринимательства, не отличимого от мошенничества, источает молодость, здоровье и оптимизм. Американские остапы бендеры рыщут по извилистым каньонам и пыльным дорогам в поисках неуловимого счастья. В те блаженные времена у счастья был вполне очерченный потолок. Имя ему — сто долларов. С учетом инфляционных процессов это эквивалентно сегодняшним десяти тысячам тех же зеленых. Тысяча долларов и выше маячит в головах лишь самых отчаянных неудачников и авантюристов. Только гангстеры, грабящие банки и поезда, обременяют себя крупными суммами, но ненадолго. «Боливар не выдержит двоих» — это стало русской народной поговоркой. Притом многие даже не помнят авторство Генри.

Кинофольклором стала история похищения мальчика, от которого похитители еле избавились, еще и приплатив денег.

История ночного грабителя, сдружившегося на почве подагры с хозяином дома, страдавшим тем же недугом, вошла в наше сознание не менее прочно, чем сюжет о курочке-рябе. Одним словом, Генри каким-то непостижимым образом стал абсолютно русским писателем еще в те годы, когда капитализмом у нас и не пахло. Значит, секрет Генри не во времени и не в пространстве, где он жил и творил, а в чем-то совсем другом. Это «что-то» есть не что иное, как гениальность. Гамлет Шекспира воспринимается как свой всеми народами во всех временах. Том Соьер Марка Твена стал популярен в России вовсе не потому, что жил в американском Санкт-Петербурге. Чешский Швейк не был вытеснен даже русским Чонкиным. У Генри стали всемирными не герои, а ситуации. Ирония судьбы, игра случая — его родная стихия. Это американский Чехов. Впрочем, с таким же успехом Чехова можно назвать русским Генри. Но улыбка Генри не отягчена богоискательскими и богоборческими поисками смысла жизни. Он не вопрошает вслед за Федором Карамазовым: «Кто же так жестоко смеется над человеком?». Как Чарли Чаплин в слове, Генри просто смеется. Иногда кажется, что ему ничего не известно о том, что жизнь кончается смертью. Вернее, смерть не повод для печали. Генри дитя американского

протестантского оптимизма, где человек остается избранныком и хозяином судьбы в любой ситуации, если не потеряет чувство юмора. «Хочешь быть счастливым — будь им», — говорил бессмертный Козьма Прутков. Можно подумать, что герои Генри выросли на этой русской книге.

Один «генри» — это единица духовного и психологического здоровья. Он шкала отсчета.

Если ситуация безвыходная, то пришло время спрашивать «а мочу молодого поросенка не пробовали?», и сразу полегчает, поскольку, как выясняется, от подагры нет ничего лучше крепкой выпивки, среди ночи, как, впрочем, и от других болезней.

Генри раньше всех распознал и запечатлел движущие механизмы современной цивилизации — от непрерывного тотального рэкета до всевозможных «МММ». Шарлатанство, мягкий и жесткий рэкет — это повседневный образ и способ жизни его героев. Все надувают всех, и все счастливы. Но, разумеется, по очереди, поскольку сегодня ты, а завтра я. Ты надул сегодня, а тебя обуют завтра. Хотя для Генри характернее ситуация, когда обувают и надувают все друг друга одновременно. И так же одновременно все в выигрыше и проигрыше. Может, это и есть игра по имени жизнь. Для России конца XX — начала XXI веков Генри даже не чтение, а руководство к действию. Его проза — это энциклопедия всех обманов, над которыми господствует самый главный — обман судьбы. Его бог — обманщик всех обманщиков и мошенник всех мошенников, а в сущности очень неплохой парень, который любит шутить.

Все, что происходит сейчас в России, давно запечатлено в юмористической эпосе «Короли и капуста».

Секрет обаяния Генри в полном отсутствии ханжества и лицемерия. Он создал удивительную любовную притчу о девушке, которая работала в столовой и потому ненавидела всех мужчин за то, что они едят. Примирило ее с жизнью и сделало способной к любви не какое-либо высокое чувство, а нормальное чувство голода. Это весьма своеобразный американский вариант укрощения строптивой.

Генри любит оптимистические концовки. Похоже, что сама жизнь была для него шутиливой новеллой, которая начинается, продолжается и заканчивается смехом. Если для вас это не так, то читайте Генри, и вы в любом случае станете невольным героем его новелл. Не узнать себя среди литературных персонажей Генри невозможно. Хотим мы того или нет, но мы все участники литературных приключений его героев. И в этом секрет нескончаемого успеха Генри. Чтение Генри — лотерея, всегда беспроигрышная. Если вы читаете Генри и смеетесь, значит, вам уже повезло.